

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт востоковедения
Санкт-Петербургский филиал

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

**К 80-летию
со дня рождения
Л.Н. Меньшикова**

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2006

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1⁽⁴⁾
весна — лето
2006

Журнал основан в 2004 году
Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

<i>И.Ф. Попова.</i> Лев Николаевич Меньшиков (1926–2005)	5
<i>Фу Сянь-чжань.</i> Памяти Мэн Ле-фу	16
<i>М.В. Баньковская.</i> Не последний поклон	20

ПУБЛИКАЦИИ

Биографии корейских монахов-паломников в «Хэдон косын чон» и «Да Тан си юй цю фа гао сэн чжуань». Сравнительный анализ и перевод с ханмуна <i>Ю.В. Болтач</i>	22
«Гундзин тёкую» («Императорское указание военно-служащим») как памятник военной истории Японии. Введение, перевод с японского и примечания <i>Е.М. Османова</i>	46
Из сборника Су Ши «Дун-по чжи линь» (материалы к истории сунских <i>бицзи</i> , 6). Комментированный перевод с китайского <i>И.А. Алимova</i>	54
<i>Ал-‘Аллāма ас-саййид</i> Мухаммад Хусайн ат-‘Абāтабā’и (ум. в 1402/1981 г.). «Весы (справедливости) в толковании ал-Кур’ана» (ал-Мйзāн фй тафсйр ал-Кур’ан). Перевод с арабского и примечания <i>С.М. Прозорова</i>	82

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>А.Е. Иванов.</i> «Цзо чжуань» и «Ши цзин»: от цитаты — к первоисточнику	108
<i>В.Л. Успенский.</i> Поездка иеромонаха Амфилохия в Монголию в 1912–1914 гг.	137

<i>М.И. Воробьева-Десятовская.</i> Фрагмент письмам кхароштки из коллекции С.Ф. Ольденбурга	145
<i>С.Л. Невелева.</i> Именованье персонажей в «Махабхарате»	150
<i>И.Т. Зограф.</i> Части речи в среднекитайском языке (по памятникам средневекового <i>байхуа</i>)	164
<i>Е.В. Степанова.</i> Радость странствий: Эпиграфика	181
<i>И.И. Надиров.</i> Древнеарабский культ орла (по эпиграфическим материалам)	194

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>А.Д. Кныш.</i> Историография исследований по суфизму на Западе и в России (на англ. яз.)	206
<i>Е.И. Кычанов.</i> Источник по истории тибетского права в китайском переводе	239
<i>Р.С. Бейсебаев.</i> К вопросу о соотношении текстов ал-Истахри и Ибн Хаукаля в разделе о Мавараннахре	244

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

На четвертой сторонке обложки:	<i>Л.И. Чугуевский.</i> Шиллинг Павел Львович [Обозрение фонда № 56 Архива востоковедов СПбФ ИВ РАН]. Вступление и публикация <i>И.Ф. Поповой</i>	249
Из китайского альбома акварелей на «рисовой» бумаге (<i>тунцао</i>) в собрании СПбФ ИВ РАН (Фонд Китайский Nova 15)	<i>Н.В. Кюннер.</i> Н.Я. Бичурин и изучение истории Центральной Азии (по материалам его «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена»). Вступление и публикация <i>А.М. Решетова</i>	263

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

	<i>И.В. Кульганек.</i> Конференция «215 лет изучения монгольского фонда Азиатского музея — СПбФ ИВ РАН: от первого списка до трехтомного каталога» (Санкт-Петербург, 6 июня 2005 г.)	273
	<i>Т.А. Пан.</i> 2-я Северо-Американская международная конференция по маньчжуроведению (Гарвардский ун-т, США, 27–29 мая 2005 г.)	276
Над номером работали:	<i>И.Ф. Попова, Таката Токио.</i> Семинар «Дуньхуановедение на берегах Невы» (Санкт-Петербург, 4–6 июля 2005 г.)	279

Т.А. Аникеева
В.В. Волгина
Р.И. Котова
А.А. Ковалев
О.В. Волкова
М.П. Горшенкова
В.И. Мартынюк
А.В. Богатюк
Э.Л. Эрман

РЕЦЕНЗИИ

<i>К.Г. Маранджян.</i> «Уцухо-моногатари» («Повесть о дупле») Введ., пер. и примеч. В.И. Сисаури	282
<i>Т.И. Виноградова.</i> Views from the West. Collection of 19th century pith paper watercolours donated by Mr. Ifan Williams to the City of Guangzhou	284

С.Л. Невелева

Именование персонажей в «Махабхарате»

Каждая из восемнадцати книг-*парв* «Махабхараты» отмечена сюжетно-композиционными особенностями, которые предполагают наличие разного объема инкорпорированного, т.е. не связанного с основным эпическим действием, материала — преданий, мифов, притч и т.п. Там, где такой материал явно превалирует (книги III, XII, XIII), открывается возможность для широкого введения в повествование мифологических персонажей (что вовсе не означает их отсутствия в других книгах, речь лишь о доминировании соответствующего содержания). Так называемые «батальные» книги эпоса (с V по XI), равно как, впрочем, и «предбатальные» (II, IV) и «послебатальные» (XIV, XV, XVII и XVIII), дают простор действиям собственно героев — борющихся за царский престол членов рода Куру: пятерых братьев Пандавов и их соперников, двоюродных братьев-кауравов¹. Таким образом, в эпическом повествовании представлены персонажи мифологические, главными из которых являются боги, и действующие лица героического плана. Соединяет в себе черты и тех и других бог-герой Кришна — определяющая, по сути дела, фигура в «Махабхарате»; судьбе Кришны, помимо его участия в ряде других важнейших фрагментов эпоса, посвящена отдельная книга XVI².

Разделение эпических персонажей на мифологические и немифологические вообще условно, так как главные герои эпоса — Пандавы являются сыновьями богов: Юдхиштхира — сын Дхармы, Бхимасена — Ветра-Ваю, Арджуна — Индры, а Накула и Сахадева — сыновья близнечной пары богов — Ашвинов. Сюжетно связаны с эпическими героями двое из перечисленных богов: Дхарма, трижды на протяжении «Махабхараты» испытывающий праведность своего сына, и Индра, вручающий воину Арджуне оружие и ожидающий от него подвигов в борьбе с демонами. Индра же предпринимает решительные шаги в пользу Пандавов, против их старшего брата Карны, оказавшегося в силу сложившихся обстоятельств в стане кауравов. Индра лишает его серег и доспехов, символизирующих неуязвимость в бою, — таков дар, данный ему при рождении его отцом, богом Сурьей, от которого Карна был рожден Притхой до ее брака с Панду³. В отличие от древнего, знакомого еще «Ригведе» Индры и сформированного уже индуизмом Дхармы, воплощающего универсальный

¹ Кауравами, т.е. потомками основателя рода — царя Куру, являются по существу представители обеих враждующих сторон в «Махабхарате», но называют так соперников Пандавов, сто сыновей царя Дхриташтры; Пандавы — *отчество* пятерых братьев, начиная с Юдхиштхиры (потому это слово и пишется с заглавной буквы).

² Подробному рассмотрению роли Кришны в «Махабхарате» посвящена книга А. Хильтебетеля: Hillebeutel A. The Ritual of Battle. Krishna in the Mahābhārata. Ithaca—London, 1976.

³ Связанный с происхождением Карны развернутый сюжет см.: Махабхарата. Книга третья, Араньякапарва (Лесная). Пер. с санскрита, предисл. и коммент. Я.В. Василькова и С.Л. Невелевой. М., 1987. С. 572–588; анализ этого сюжета см.: Невелева С.Л. Сюжет о Карне в III книге Махабхараты («сознание инициации») // Древняя Индия. Язык, культура, текст. М., 1985.

надличностный закон бытия, Ваю и Ашвины лишь расцветивают своими характерными чертами — порывистость, неукротимость в первом случае и красота во втором — образы сыновей, соответственно Бхимасены и близнецов Сахадевы и Накулы⁴.

По степени участия в эпическом сюжете и, следовательно, частоте упоминаний их имен⁵ выделяются, помимо уже названных Кришны и Индры, Шива, Вишну и Брахма (именно в такой последовательности — по степени убывания количества ссылок⁶). Три последних бога в «Махабхарате» не объединяются в триаду-*тримурти*, персонифицирующую единую верховную сущность в трех различных проявлениях: Брахма — созидание, Вишну — сохранение и Шива — разрушение мироздания, они предстают как совокупность «великих богов» без четкого распределения космологических функций.

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению именования эпических героев, а также наиболее часто упоминаемых в связи с эпической сюжетикой представителей пантеона («Махабхараты»), необходимо сказать несколько слов о терминологии описания. Основной термин, который охватывает большой спектр прозваний эпических персонажей, — *имя-эпитет* по своим параметрам сродни постоянному эпитету как основному средству создания образа в поэтике эпоса. Для такого эпитета характерны: во-первых, частое, близкое постоянному сочетание одного и того же признака (а не слова, ввиду высокой развитости в санскрите лексической синонимии) с одним и тем же адресатом; во-вторых, вневременный («навсегда») характер этого признака; в-третьих, существенность его содержания; в-четвертых, возможность отсутствия прямой связи с конкретной ситуацией (так называемый эпитет «вне логики» контекста) и, в-пятых, автоматизм возникающей ассоциации и, главное, однозначность связи с носителем признака. Все эти параметры свойственны имени-эпитету с одной лишь, но чрезвычайно существенной разницей: в отличие от постоянного эпитета имя-эпитет не типизирует, но *индивидуализирует* объект, его различительная функция, как правило, абсолютна и не ограничена рамками узкого контекста⁷. Этой закономерности не подчиняется, условно говоря, титулатура: к примеру, определение одного из крупных эпических богов как *paramēṣṭhin*, *paramēśvara*, *puruṣottama* и т.п. требует соотносительности с контекстом.

Использование эпитета в качестве имени собственного, основанное на конкретной, индивидуальной связи между содержанием такого эпитета и его адресатом, предполагает итог процесса, протекающего в диахронии. Возможность замены названия лица или предмета его иносказательным обозначением через характерный признак (различные виды перифразы) порождает по меньшей мере два параллельно развивающихся языковых явления: во-первых, расширение синонимических рядов названий одного и того же объекта (*divākara* — «творец дня», *tamonuda* — «гонитель мрака», *sahasrāṅśu* — «тысячелучистый», Солнце) и, во-вторых, формирование основных

⁴ Любопытно, что провозглашаемое эпосом «родство» соперников Пандавов — кауравов с демонами-асурами сказывается на их характеристиках лишь косвенно, главным образом через мифологические сравнения, путем сопоставления их битвы с Пандавами и противоборства демонов и богов (или Индры).

⁵ Частота упоминаний имен того или иного персонажа наглядно явствует из индексов, сопровождающих, в частности, переводы книг «Махабхараты» на русский язык: I, II, IV, V, VII и IX книги в переводе В.И. Калынова; III, VIII, X, XI, XIV, XV–XVIII книги в переводе Я.В. Василькова и С.Л. Невелевой. Исчерпывающие данные об именах «Махабхараты» содержит специальное издание: *Sörensen S. An Index to the Names in the Mahābhārata*. Delhi, 1978 (repr.).

⁶ Согласно наблюдениям над стилистикой древнеиндийского эпоса, количество упоминаний того или иного персонажа в совокупности с разветвленностью системы его именования свидетельствует о степени значимости данного образа для эпического мира (понятиям, связанным с представлением об эпическом сообществе, посвящена монография Б.Н. Путилова «Героический эпос и действительность». Л., 1988).

⁷ Подробно см.: *Невелева С.Л.* Махабхарата. Изучение древнеиндийского эпоса. М., 1991. С. 152–157.

разделов системы именования (daśānana — Десятиликий, Равана; tryakśa — Треокий, Шива; sahasrākṣa — Тысячеокий, Индра), т.е. имен-эпитетов, этимологически прозрачных, сюжетно обусловленных, индивидуальных по содержанию и однозначно соотносённых с объектом.

Что касается описания наборов основных имен главных персонажей «Махабхараты», то вначале предлагается анализ имен пятерых Пандавов и — для четкости сопоставления — прозваний их старшего брата Карны. Далее внимание уделяется главным, причастным к эпическому действию мифологическим фигурам, и в первую очередь Индре, а затем, сообразно широкой разветвленности системы именования, рассматриваются прозвания Шивы; потом, *по контрасту* с этими двумя персонажами, в именах которых подробно развернута их «биография», отмечаются имена Брахмы. Система имен Вишну располагается рядом с именами Кришны, замыкающего перечень как образ, воплощающий в себе черты и героя и божества, по очевидной причине: в качестве аватары Вишну — такова одна из сторон эпического Кришны — тот наследует имена своего «прототипа».

Первое, что следует сказать об эпических героях на основании их *патронимов*, это наличие у каждого из них двойной родословной — земной и «небесной». Согласно имени своего земного отца Панду, они — Пандавы, таково совокупное именование пятерых братьев. В то же время старшие Пандавы — Юдхиштхира, Бхимасена и Арджуна имеют *сдвоенный матроним*: у их матери два имени — Притха и Кунти, и потому ее сыновья — Партхи-Каунтеи, тогда как у младших Пандавов — Накулы и Сахадевы один матроним: они зовутся «сыновьями Мадри».

Переключаясь с именем «небесного» отца Юдхиштхиры, бога Дхармы, — второй патроним героя dharmaśuta, «сын Дхармы», — и утверждение его царского статуса прослеживаются в прозвании героя dharmarāja, «Царь по закону» (т.е. по справедливости), и это толкование отвечает расстановке сил в «Махабхарате»: именно претензии Пандавов, а не кауравов на царский престол считаются, с точки зрения эпической традиции, законными. С «небесной» родословной Юдхиштхиры ассоциируются такие его характеристики, как dharmavid — «знаток дхармы», dharmātma — «верный душою дхарме» и т.п., выстраивающиеся в один ряд с его патронимом dharmaśuta, «сын Дхармы», и статусным именем dharmarāja, «Царь дхармы», образуя звуковые «игры» — наследие древней аллитерации на тему мифологического имени⁸. Отталкиваясь от этого приема древнейшей поэзии, эпос использует его исключительно в орнаментальных целях и не укрывает, а подчеркивает смысл имени, высвечивая в данном случае основное достоинство правителя-индуиста, его *дхармичность*.

Имя Юдхиштхиры Аджаташатру допустимо переводить как «Тот, чей достойный соперник еще не родился» или же как «Не имеющий врагов», т.е. «Тот, чьи враги повержены», — таково династийное имя-благопожелание победоносного правителя в Древней Индии.

С наибольшей прямоотой характер небесного отца — бога Ветра определяет рисунок образа второго по старшенству Пандавы — **Бхимасены**, сокращенно — Бхимы, т.е. Грозного: он неистов, неуправляем соответственно своему «небесному» родству, зафиксированному его *патронимом* vāyusuta — «сын Ветра».

Родство **Арджуны** с Индрой, царем богов, богом-воителем, закреплено в таком его *патрониме*, как indrasuta — «сын Индры» и соответствует царским функциям эпического героя, связаны ли они с батальностью (когда Арджуна одолевает демонов *ниватакавачей* — книга III, гл. 164–171) либо же с отправлением ритуала (именно Арджуна выступает в поход во время совершаемой Юдхиштхирой *ашвамедхи*, замещающая царя, — книга XIV, гл. 71–86).

⁸ Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 542.

У младших Пандавов — Накулы и Сахадевы, наследующих единственную черту близнецной пары Ашвинов — их красоту, имеется общее обозначение, фиксирующее сам факт рождения и эквивалентное имени собственному, — *уатау*, Близнецы.

Можно, таким образом, с определенностью сказать, что между родословной эпических героев, происходящих от богов, и их изображением в эпосе прослеживается явное соответствие, причем отнюдь не свойства земных родителей, с их *типовыми* для «Махабхараты» чертами, проявляются в характерах Пандавов, эпических героев, а *индивидуальные* качества их «небесных» отцов — еще один заметный след присутствия мифологии в органических структурах древней изобразительности.

В составе прозваний эпического персонажа наряду с теми, которые говорят о его происхождении, есть и такие, которые указывают на особенности его внешности. Однако в ряде случаев мы сталкиваемся с *неоднозначностью* толкования такого имени-эпитета, которое лишь на первый взгляд может показаться характеристикой внешнего облика того или иного действующего лица. Примером тому может служить прозвание **Бхимасены Врикодара** — Волчебрюхий (перевод В.Г. Эрмана), которое может показаться констатирующим некую черту внешности (например, поджарость) или же, скорее, такое свойство его натуры, как зверский аппетит, прожорливость. В действительности же это имя Бхимасены кодирует, представляет в свернутом до размеров знака виде известный эпизод из книги I «Махабхараты» — «Адипарвы», «Книги Начала», согласно которому герой сумел переварить смертельный яд *калакуту*, т.е. имя Врикодара дано Бхимасене в соответствии с его знаменитым *деянием*, обнаружившим необыкновенные свойства его природы, его невероятную мощь. Тем не менее «пищевые» ассоциации так или иначе закреплены за образом Бхимасены: недаром в книге IV — в «Виратапарве», «Книге о Вирате», в тот период, когда Пандавы должны прожить незванными при дворе царя, Бхима избирает занятие царского повара. И если принять во внимание общий рисунок образа Бхимасены, обращающего ассоциации к «варварской» эстетике (он вырывает с корнем дерева, чтобы сражаться ими как оружием, разрывает горло врага и пьет его кровь), то даже непомерный аппетит богатыря, будь тот наделен им, не может рассматриваться как черта отрицательная.

Особого рассмотрения, уже в силу обширности списка имен-эпитетов, заслуживает набор имен третьего по старшинству среди братьев Пандавов — героя **Арджуны**. О его происхождении помимо двух патронимов — Пандава и сын Индры, а также сдвоенного матронима — Партха-Каунтея говорит его прозвание *Пхальгуна*, поясняющее обстоятельства его появления на свет: «Рожденный под созвездием Пхальгуны»⁹, особая характеристика, дополняющая реестр имен эпического героя, связывающих воедино идеи его происхождения.

Близкую, по-видимому, к этнической черту *внешности* Арджуны передает его имя-эпитет *Гудакеша*, трактуемое как «Курчавый», «С жесткими волосами»¹⁰. В отлельный и чрезвычайно важный в плане семантики образа блок объединяются четыре имени, благодаря которым статус Арджуны в «Махабхарате» может безусловно рассматриваться как *царский*: это его имена-эпитеты *Виджая*, *Джая*, *Джйишну*, все три связанные с идеей победоносности как необходимого качества древнего царя¹¹, а также имя *Дхананджая* — Завоеватель богатств, которое конкретизирует указанную идею. Все эти именованья представляют собой не просто характеристику героя из царского рода, но подтверждают ролевое назначение Арджуны, сына Индры, царя бо-

⁹ Пхальгуни — название двойного лунного дома — Пурва- и Уттарпхальгуни.

¹⁰ Аналогичные черты внешности, отмечающие свойство волос, имеются у Кришны (Кешава, Хриши-кеша), с которым мифологически сближается Арджуна, а также у Вишну, разделяющего имена с Кришной.

¹¹ Gonda J. Ancient Indian Kingship from the Religious Point of View. Leiden, 1969. P. 101.

гов, в качестве идеального царя-воителя. По крайней мере дважды — во II и XIV книгах «Махабхараты» — особо выделена его главенствующая роль в военных походах, влекущих за собой подчинение народов и обретение богатств, — в ритуалах *дигвиджая*, покорение стран света, и *ашвамедха*, жертвоприношение коня.

Целый ряд имен Арджуны связан со значительными эпизодами эпоса, в которых он предстает как подлинный воин. Его особая черта как воителя — равное владение при натягивании лука как правой, так и левой рукой, что проявилось у него еще в раннем детстве, когда Пандавы вместе с двоюродными братьями обучались военному искусству у Дроны, воина старшего поколения, и эта черта образа Арджуны получила отражение в его имени *Савьясачин* (примерный перевод — «Ловкий и на левую руку»).

Прозвания по атрибуту также говорят об Арджуне как о воине со всеми необходимыми данными. Агни, бог огня, получивший от Кришны и Арджуны поддержку в противостоянии Индре, когда тот мешал своими ливнями сожжению леса Кхандавы, передал Арджуне в дар от Варуны лук Гандиву с двумя неиссякающими колчанами, и отсюда Арджуна — *Владелец Гандивы* (*gaṇḍivadhanvān*). В числе даров Варуны была и колесница с белыми конями, поэтому героя зовут *Белоконным* (*śvetavāhana*), а также стяг с изображением обезьяны-символа, поэтому Арджуна зовется «Тот, у кого обезьяна на знамени» (*kapidhvaja*). Согласно тому же эпизоду из «Адипарвы», Кришна обретает диск-чакру и палицу.

В этот же ряд имен-эпитетов Арджуны, обнаруживающих прямую связь с конкретным эпизодом эпоса и представляющих собой поэтому *свернутый сюжет*, вписывается еще одно имя, также упоминающее царский атрибут, — это имя *Увенчанный тиарой* (*kirīṭin*), которую самолично надел Арджуне на голову его отец Индра во время пребывания сына у него на небесах с целью получения оружия.

Все имена Арджуны, которые тот носит благодаря владению тем или иным царско-воинским атрибутом, содержат, таким образом, в свернутом виде ссылки на различные эпизоды «Махабхараты», в которых боги одаривают героя воинской атрибутикой (типичный вид участия богов в эпическом действии¹²), оттеняя тем самым мифологичность его образа. Тому же способствуют некоторые передвижения Арджуны, отличающие его от других персонажей эпической героики: лишь он один наделен способностью странствовать по космической вертикали — как наверх, в царство Индры, так и вниз, в подземный мир, для исполнения задачи богов, расправы над демонами.

Имя Арджуны *Бибхатсу* также сопрягается с другими его характеристиками царя-воина, однако весьма опосредованно; оно означает «испытывающий отвращение», т.е. «отвратившийся», по-видимому, от мира, истовый отшельник, каким герой предстает в сюжете об обретении им небесного оружия, когда он подвергает себя суровой аскезе.

Подводя итоги наблюдениям над именами Арджуны, следует сказать, что состав его прозваний, особенно по сравнению с тем, который свойствен другим Пандавам, достаточно широк и включает в себя помимо патронимов и матронимов следующие разряды: 1) имя, данное в соответствии с обстоятельствами его рождения (Пхальгуна); 2) прозвание по этнической характеристике внешности и 3) имена-эпитеты, фиксирующие особые атрибуты царско-воинского характера, причем их обретение героем связано сугубо с эпизодами «Махабхараты».

¹² Эпические боги не определяют ход событий «Махабхараты», участвуя в них лишь косвенно: они одаривают героя воинской атрибутикой, частично воплощаются на земле, передают персонажу свою мощь, эмоционально сопереживают событиям эпоса, выражая свое одобрительное или негативное отношение к ним, и т.п.

О родстве со своим старшим братом **Карной** Пандавы не ведают до поры, он — подкидыш, но, как и братья, божественного происхождения, рожденный их общей матерью Кунти-Притхой от бога Солнца до ее брака с Панду. Пущенный ею в корзину по течению реки, Карна попадает в поселение *сутов* (возможно, это близкая к этнической группа, из которой происходят царские колесничие, очевидцы воинских подвигов царей, придворные поэты-панегиристы, советники правителя, первоначальные носители эпической традиции). В отличие от своих младших братьев у Карны три варианта *патронимов*: один по имени «небесного» отца — *сын Сурьи* и два в соответствии с именем и статусом отца приемного — *сын Адхиратхи* и *сын суты* (так именуют его Пандавы, пытаясь унизить¹³: положение суты, при всей его значимости, ниже, чем у царевичей); *матроним* Карны *Радхей* образован от имени его приемной матери Радхи, супруги Адхиратхи, в отличие от пятерых Пандавов, имеющих один сдвоенный матроним — Партхи-Каунтеи, но соответствующий имени *родной* для них, как, собственно, и для Карны, матери, однако его тем не менее никогда не называют ни Партхой, ни Каунтеей.

Теоретически к патронимам можно отнести имя Карны *Вайкармана*, «сын Викартаны», т.е. Солнца, «пронзающего (тучи)». Однако значение корня *vikṛt*, от которого образовано это имя, допускает и иное его толкование — в связи с известным *эпизодом* «Махабхараты» (что характерно для происхождения имени-эпитета героя эпоса), когда Карна, являя необыкновенную щедрость, *срезает* со своего тела доспехи, дарованные ему при рождении как знак неуязвимости его отцом Сурьей, и передает их в дар Индре, явившемуся к нему под видом просителя-брахмана, дабы ослабить главного соперника Пандавов, не ведающих, что Карна — их старший брат.

Именованном *Вриша* (Бык) и *Васушена* (Владелец богатого воинства) он обязан брахманам страны *ангов* (царем которых иногда называется Карна как наследник своего приемного отца Адхиратхи); они нарекли его этими именами из-за необычайного *вида*, внешности божественного младенца, попавшего в их края (имя Васушена носит, возможно, также функцию своего рода пророчества, так как Карна в великой битве эпоса выступает в качестве военачальника мощной рати кауравов).

Из всех эпических богов, не оказывающих влияния на события «Махабхараты», своей особой причастностью к судьбе героев отличается **Индра**, отец одного из Пандавов — Арджуны, гостеприимно встречающий сына в своем небесном граде перед вручением тому оружия во имя расправы над соперничающими с обитателями неба демонами-*ниватакавачами*. Индра активно действует в интересах Пандавов, борющихся за престол с братьями-кауравами, хитростью лишая Карну его «атрибутов бессмертия» — серег и панциря. Царь богов, он чрезвычайно популярен в многочисленных мифологических сравнениях эпоса, в содержании которых консервативно удерживаются наиболее древние идеи, и эти сравнения располагаются в диапазоне от простого сопоставления до полного отождествления эпической битвы и ее участников с непрекращающейся борьбой богов во главе с Индрой и демонов-асуров¹⁴.

В числе многообразных имен Индры его прозвание *Шачипати* (*śaśipati*) лишь формально можно расценивать как обозначение по имени *родственника*, в данном случае — по имени его супруги Шачи; очевидно, что первоначальный смысл этого сложного слова — «владыка силы», и это вполне отвечает ведийским представлениям об Индре. Точно так же имя *Тысячеокий* (*sahasrākṣa*), если брать историю об-

¹³ На сваямваре Драупади именно Карна выиграл воинский турнир претендентов на руку царевны, но та отвергла героя из-за его якобы низкого происхождения, что и привело старшего брата Пандавов в стан их противников-кауравов.

¹⁴ О мифологических сравнениях «Махабхараты» см.: *Васильков Я.В., Невелева С.Л.* Ранняя история эпического сравнения (на материале III книги Махабхараты) // Проблемы исторической поэтики литератур Востока. М., 1988.

раза, едва ли связывается с позитивной характеристикой в н е ш н о с т и Индры, согласно которой огромное число глаз понималось бы в качестве символа его мудрости и всеведения, — такова достаточно поздняя трактовка этого имени. Тогда как первоначально это изображение женских гениталий, «знаков позора», которыми покрылся Индра, будучи проклят риши за сладострастие. Иначе говоря, черта Индры, воспроизводимая этим именем, связывается в диахронии не столько с внешностью, сколько с особенностями х а р а к т е р а мифологического персонажа.

Определенно специфические черты древнего образа Индры выражены такими его именами, как *Шакра* (śakra) — Могучий, *Магхаван* (maghavān) — Щедрый (таков он как податель дождя и, следовательно, урожая и других благ в Ведах), а также именем *Шатакрату* (śatakratu) — Стосильный (если учесть, что слово *kratu* имеет два значения: жертвоприношение и обретаемая посредством него мощь, то и это имя отсылает к ведийской древности). Согласно своему прославленному уже в Ригведе а т р и б у т у, Индра в эпосе зовется *Владетелем ваджры* (vajrin, vajradhara), соответственно же средству передвижения — *Владыкой рыжих коней* (haryaśva); это тоже отголосок ведийского прошлого бога-громовника, связанного с грозовым ливнем, озаряемым светом молний.

Ведийские аллюзии прослеживаются и в тех прозваниях Индры, в которых закрепились его деяния отчетливо *демоноборческого* свойства, и таковых немало: он — *Губитель* (*Сокрушитель*) Балы, или Вритры, или Намучи, или Шамбары, или Паки и т.д. Последнее имя *Пакашасана* (rākaśāsana), включающее слово *rāka*, в эпосе может, действительно, трактоваться как Губитель (демона) Паки, что соответствует древнейшему воинскому аспекту образа Индры. Однако наличие у этого божества и другой столь же глубоко уходящей в ведийское прошлое его ипостаси — владычество над урожаем, *rāka*, позволяет считать, что постепенное, соответствующее укреплению воинского аспекта образа в эпосе с его выраженной батальностью осмысление имени Пакашасана в русле демоноборчества (по аналогии с другими эпическими именами бога) явно вторично в сравнении с более ранним значением того же имени — Властитель (и даже Погубитель, если не даст дождя во-время) урожая. В тот же ряд имен Индры, ассоциирующихся с его демоноборчеством как главным деянием, может быть включено и его прозвание *Пурандара* — Сокрушитель (вражеских) крепостей, также уходящее своими корнями в ригведийскую древность.

Помимо столь ярко выраженного в именах воинского аспекта, теонимы Индры говорят о его высочайшем, по отношению к ведийским богам, с т а т у с е: он — *Махендра* (mahendra), т.е. Великий Индра, *Владыка Тридцати богов* (tridaśeśvara), *Васава* (vāsava), т.е. Владыка Васу, восьмичленного разряда божеств, а также *Марутван* (marutvān), Властитель марутов-ветров, и *Владыка третьего неба* (tridiveśvara).

Краткий обзор развитой системы именований эпического Индры говорит об обращенности их содержания (как и семантики основного слоя мифологических сравнений, важного средства выразительности в эпосе) в сторону ведийского прошлого, древнейшей мифологии; яркий ее отсвет лежит на именах бога, действующего в «Махабхарате» в тех условиях, которые противоречат его некогда высочайшему статусу, так как верховные позиции в эпическом пантеоне сообразно мировосприятию эпоса закрепляются теперь за новыми, «великими» богами — Вишну, Шивой и Брахмой, а главным героем «Махабхараты» становится Кришна.

По степени развитости системы именования среди мифологических персонажей самого высокого уровня выделяется *Шива*, стоящий особняком в эпическом (как и Рудра в ведийском) пантеоне, наделенный грозными чертами космического разрушителя. Возможно, для Шивы как объекта религиозного почитания, наследующего характер ведийского Рудры, требуется в обращении к нему широкий спектр иносказаний, непрямого называния, что свойственно обычно устрашающей фигуре, которой

адресовано поклонение. Прозвания Шивы, эквивалентные именам, весьма многочисленны: *Рудра* (rudra) — Ревун, *Шарва* (śarva) — Стрелок, *Бхава* (bhāva) — Благодать, *Бхавана* (bhāvana) — Созидатель, *Шукра* (śukra) — Семя, *Хара* (hara) — Сносящий, *Шанкара* (śaṅkara) — Усмиритель, *Пашупати* (paśupati) — Владыка скота и т.п. Часть имен из этого перечня, такие, как Рудра, Шарва, Пашупати, связывают эпическое «настоящее» бога с его ведийским «прошлым», остальные же открыто *функциональны* и приписывают Шиве как космогенетические роли (Бхава, Бхавана, Шукра), так и разрушительные действия (Хара, Шанкара), что естественно для прославленных контекстов «Махабхараты» (ср. теорию энотеизма, или катенотеизма, Ф. Макса Мюллера, который показал, что в ригведийском гимне все главенствующие функции приписываются его адресату, какого бы ранга ни было это божество).

Прозвания богов, производные от имени родственника, строятся по иному принципу, чем у персонажей героического плана: там преобладают патронимы и матронимы, здесь же — именованья, включающие имя божественной *супруги*; для Шивы это *Супруг Умы* (umāpati); ср. Индра—Шачипати (śacīpati). Шива зовется также *Отцом Кумары* в силу его отцовства по отношению к богу Сканде, появляющемуся впервые в «Махабхарате» (книга III, гл. 214–221) и имеющему очевидную мифологическую параллель (Муруган) в дравидийском ареале. Главным местом пребывания Шивы, как и слившегося с ним впоследствии ведийского Рудры, являются горы, и это фиксируется его именем *Житель гор* (giriśa).

Те имена-эпитеты Шивы, которые можно отнести на счет описания его внешнего облика, глубоко мифологичны, объясняемые не только (и не столько) эпической сюжетикой, сколько историей сложения его образа за пределами эпоса. Так, Шива — *Нилакантха*, Синегорлый, поскольку он выпил смертельный яд, появившийся, согласно мифу, при пахтании молочного океана богами и демонами, и тем самым спас их от гибели. Он же — *Трьямбака*, Треокий: пламенем открывшегося у него во лбу третьего глаза Шива испепелил бога любви Каму, посмеявшегося нарушить его уединение с супругой. Но если другой санскритский вариант имени Шивы Треокий — *Трьякша* (tryakṣa) толкуется однозначно в свете данного мифологического сюжета, то его именование *Трьямбака* (tryambaka) может, однако, трактоваться и в космологическом смысле, как Имеющий трех матерей, т.е. принадлежащий всему троимирию — небу, земле и подземному миру. Мифологическое окружение Шивы — злокозненные духи-*бхуты* или *ганы* — получает отклик в его прозваниях *Владыка бхутов* (bhūtapati) или *Владыка ганов* (gānapati).

Имя *Капардин* (kapardin), по одной из его трактовок, может рассматриваться как характеристика внешности — тот, у кого волосы собраны в форме раковины-*капарды* на макушке в знак принятия аскезы; однако другое толкование переводит это имя в разряд определяющих функцию, статус божества — *капарда* использовалась в ритуале архайческой инициации, а Шива считается богом-посвятителем. И в первую очередь статус, но также и внешность — итифаллическую позу отшельника-йогина — отражает его имя *Стихану* (sthānu) — «колонна», «столп», тогда как согласно его персональной атрибутике он — *Пинакин* (pinākin), т.е. Владелец лука Пинаки, а также *Тришулин* (triśūlin), Держатель трезубца-*тришулы*, и Вришадхаджа (vṛśadhvaḥja), Имеющий на штандарте изображение *быка*, который может заменять бога в ритуале его почитания. Таким образом, в соответствии со значением большинства своих имен Шива предстает отшельником-йогиним (ср. его именование Йогешвара, Властитель йоги) и одновременно — вонителем.

Важным информационным блоком выступают в «Махабхарате» теонимы, содержание которых связано с деяниями того или иного божества, причем эти деяния, как явствует уже из набора имен-эпитетов Индры, связаны исключительно с *асури-борчеством*. Имея в виду явную неоднозначность толкования имен-прозваний эпи-

ческих богов, в этот же раздел может быть включено и уже упоминавшееся имя Шивы Нилакантха: Шива, выпивая яд, спасает Вселенную, занимая сторону богов в их борьбе с асурами. Два имени Шивы открыто фиксируют его воинские подвиги, причем первое — Испепеливший Трипуру (*tripuradahana*), Тройной город демонов, который он сжег своей огненной стрелой, — говорит о его асуроборчестве, тогда как второе — *Разрушитель жертвоприношения* — содержит отсылку к жертвенному обряду богов, когда Шиве не была выделена его доля¹⁵.

Теонимы и их эквиваленты, указывающие на функции и значение божества как объекта поклонения, могут «кочевать» от одного мифологического персонажа к другому (таковы из указанных выше Бхава, Бхавана, Шукра); имя-эпитет *Вишварупа* (*viśvaṛūpa*), *Вселенский образ*, в книгах V и XIV относится к Кришне, тогда как в книге X это Шива. Имена *Иша*, *Ишана*, *Ишвара*, созвучные между собой, а также с именем Шива, означают *Владыка*, однако Ишвара, например, может почитаться как совершенно самостоятельная фигура. *Наставником миров* (*loka guru*) могут называть также и Брахму (см., например, кн. III, гл. 186), однако *Махешвара* (*maheśvara*) — Великий Владыка и *Махадева* (*mahādeva*) — Великий Бог являются именами-эпитетами, определяющими по преимуществу высокий статус Шивы.

Из немногочисленных имен **Брахмы**, не играющего в сюжете «Махабхараты» существенной роли, следует отметить в первую очередь те, которые соответствуют приписываемой ему космологической функции создания: *Питамаха* (*pitāmaha*) — Прародитель (мира и человечества) и *Творец* (*tvāṣṭṛ*) Вселенной, миров, существ. Брахма — *Всевышний*-Парамештхин (*parameśthin*), *Самосуций*-Сваямбху (*svayambhū*), *Пруджапати* (*prajāpati*) — Владыка сущего, *Дхатри* (*dhātṛ*) — Устанавливающий, *Видхатри* (*vidhātṛ*) — Распределяющий и т.п., причем три последних имени, равно как и *Тваитри*-Творец, принадлежат различным древним богам, имеющим креативную функцию, которую они передают с течением времени, как и свои имена, в соответствии с ассимилирующей тенденцией в формировании индуизма богу Брахме, занимающему впоследствии верховную позицию в составе индуистской *триады* (остальные боги — Вишну и Шива) как едином проявлении верховного начала. Однако, как видно из простого перечня именований Брахмы, его образ, условно говоря, «теоретичен», лишен каких-либо конкретных черт, которые связывали бы его с *сюжетами* «Махабхараты». Хотя в своей роли дарителя, обеспечивающего неуязвимость демонам, он известен в обоих санскритских эпосах, это его деяние не получает фиксации в каком-либо имени. Судя по контекстам, в которых фигурирует Брахма (см., например, гл. 186–189 книги «Лесной», посвященные эсхатологическому учению о всемирной катастрофе-*пралае* и смене мировых периодов, *юг*), он предстает возвышающим его творением сугубо брахманской мысли, которой «Махабхарата» во многом обязана дидактическим содержанием своего позднего типологического слоя.

Круг именований **Вишну**, если иметь в виду цели данной статьи, важен для перехода к рассмотрению имен Кришны, который в некоторых местах «Махабхараты» предстает не только аватарой Вишну (см., в частности, окончание книги XVI — «О битве палицами»), но и фигурой, ему тождественной (см. там же). Список основных имен Вишну, представленных в алфавитном порядке, выглядит следующим образом (курсивом выделены имена, принадлежащие исключительно Вишну, т.е. те, которые он не разделяет с Кришной): Ачьюта (*acyuta*) — Неколебимый, *Вайкунтха* (*vaikuntha*) — Владелец особого, принадлежащего ему неба под названием Вайкунт-

¹⁵ См.: Hillebeitel A. The Ritual of Battle. P. 312–335; Махабхарата. Книга десятая, Сауптикапарва (Книга об избиении спящих воинов) // Махабхарата. Книги десятая, одиннадцатая (Об избиении спящих воинов. О женах). Изд. подгот. С.Л. Невелева и Я.В. Васильков. М., 1998. С. 47–50.

ха, *Вамана* (vāmana) — Карлик (название одной из ранних аватар Вишну), Васудева (vāsudeva), Говинда (govinda) — Пастух (ведийское именование Вишну, указывающее на его козью природу — Солнце, пасущее тучи-коровы), Губитель (демона) Мадху (madhusūdāna; сюжет о расправе Вишну над демонами Мадху и Кайтабхой имеется в книге «Лесной», гл. 193–194), Джанардана (janārdana) — Побуждающий людей, Кешава (keśava) — Густоволосый (характеристика внешности), Нараяна (nārgaṇa) — имя, воспринятое Вишну от древнего аборигенного божества, *Падманабха* (padmanābha) — Тот, из пупа которого растет лотос (т.е. Вишну, когда он возлежит на кольце космического змея Шеш-Ананты во время *пралаи*; в этом лотосе покоится Брахма), Хари (hari) — Уносящий (грехи), Хришикеша (hr̥ṣīkeśa) — сложное слово, имеющее в зависимости от вариантов его деления двойное толкование: 1) «густоволосый», «курчавый» или 2) «владеющий чувствами» как йогин.

Таким образом, из относительно большого списка именований бога Вишну исключительно ему принадлежат только три имени — Вайкунтха, Вамана и Падманабха, соответствующие специфике его собственной мифологии, остальные же прозвания он разделяет с **Кришной**, причем даже имя Мадхусудана, в котором закреплено его асуроборческое деяние — убийство демона Мадху, — нередко атрибутируется Кришне.

Образ эпического **Кришны** безусловно выходит далеко за рамки его роли как аватары Вишну, и прежде всего его двойственной природой — и бога и человека — объясняются коренные различия в системе их имен. Активно участвующий в сюжетике «Махабхараты» герой Кришна наделен прозваниями по имени родственника, и уже само по себе наличие у него земной родословной — *патронима* и *матронима* — отличает его от божественного «прототипа», бога Вишну. Его патроним — *Васудева* (vāsudeva), «сын Васудевы», имя, ввиду отсутствия в русском языке графически выраженной долготы первого гласного, одинаково звучащее с именем отца. Фигура Васудевы-старшего связана, по-видимому, с иным циклом кришнаитских сюжетов, нежели те, которые доминируют в «Махабхарате»; он появляется в книге XVI, «О побоище палицами» (гл. 7, 8), где описываются горестные переживания старого царя после известия о гибели рода Яду и его кончина, последовавшая после ухода из жизни сыновей — Баларама и Кришны. Матроним Кришны — *сын Деваки* (devakīputra), зовется он также «старшим братом Гады» (gadāgraja), но если о Деваки мы узнаем в «Махабхарате» только из матронима Кришны (мотивы, связанные с его происхождением и героическим детством, остаются за пределами эпоса), то его брат Гада все-таки проявляет себя, правда мельком, все в той же книге XVI, где повествуется о гибели ядавов, погрязших в раздорах.

Родословная Кришны включает также и деда, по имени которого он зовется *Шаури* (śauri) — «внук Шуры», а по имени основателя рода — Вришни его называют *Варшнея* (vārṣṇeya), прозвищем, которое можно понять как «потомок Вришни», но по аналогии с другими этническими именами, указывающими на его статус, такими, как *Дашарха* (dāśārha) — Владыка дашархов, *Мадхава* (mādhava) — Владыка мадху, *Сатвата* (sātvata) — Владыка сатватов, имя Варшнея допустимо также рассматривать как «Владыка вришниева», что соответствует представлению о Кришне как о главе подвластных ему племен.

Из совпадающих с Вишну имен Кришны следует отметить его прозвание *Кешава* (keśava), которое наряду с этнической характеристикой *внешности* — «Густоволосый» (возможный намек на неиндоарийскую линию в формировании этого образа) в приложении к Кришне связывается с внеэпическим сюжетом о его происхождении от черного волоса Вишну (тогда как его старший брат Баларама произошел от белого волоска). В качестве гипотезы можно рассматривать обратный в данном случае путь передачи имени — не от Вишну к Кришне, а, наоборот, от Кришны, с выраженными

аборигенными ассоциациями его образа, к индуистскому богу Вишну, также не лишнему локальных черт в истории сложения культа, что, возможно, и облегчило вхождение Кришны в число его аватар по мере адаптации формирующимся индуизмом местных верований.

Персональными атрибутами Кришны, давшими основание его именам-эпитетам, являются лук Шарнга (Роговой), отчего он зовется *Владельцем лука Шарнга* (*śāṅgadhanvan*), а также диск-чакра, поэтому его называют *Владельцем чакры* (*cakradhara*), и штандарт с изображением Гаруды-Супарны, т.е. ваханы, ездового животного и символа Вишну, так что Кришна именуется *Тот, чей знак Супарна* (*suparṇaketu*).

Как можно заметить на основе сопоставления наборов имен Вишну и Кришны, круг прозваний последнего значительно шире, чем у бога, в число аватар которого он вписывается лишь одной гранью своего образа. Расширение спектра именования идет здесь за счет многогранности *синтетичной* фигуры эпического Кришны, который предстает в «Махабхарате» одновременно и героем, другом и соратником Пандавов, и высшей, наряду с Буддой и Калки Вишнуяшасом, человеческой аватарой Вишну, а также Вселенским богом, Вишварупой, и Абсолютным началом Вселенной, Адхьятмой.

Если ориентироваться на весь спектр имен как мифологических, так и героических персонажей эпоса, не ограничиваясь анализируемым материалом, то можно обнаружить, что эпическое именование складывается в целостную **систему**, схема которой может быть представлена четырьмя разделами с соответствующими рубриками.

I. Имена личные (Арджуна, Индра).

II. Имена по *родственнику*. 1. По имени предка — 1.1. близкого: 1.1.1. патронимы: а) именование по земному отцу (Пандавы — Юдхиштхира, Бхимасена, Арджуна и т.д.), б) по небесному предку (сын Дхармы — Юдхиштхира, сын Ваю-Ветра — Бхимасена, сын Индры — Арджуна); данное противопоставление — земная и небесная родословная — существенно только для определенной группы эпических персонажей — главных героев «Махабхараты», включая Карну; 1.1.2. матронимы (Партха-Каunteя — Юдхиштхира, Бхимасена, Арджуна); 1.2. именование по дальнему предку (Шаури — Кришна), в том числе по имени основателя рода (Каурава — Юдхиштхира, Дурьодхана как правители народа *куру*, потомки царя по имени *Куру*). 2. Именование не по предку: 2.1. прозвание по потомку (Отец Сканды — Шива), 2.2. по имени супруга (Индрани — супруга Индры), 2.3. по имени супруги (Супруг Умы — Шива), 2.4. именование по другому родичу (Старший брат Гады — Кришна).

III. *Имена-эпитеты*. 1. Социально-этнические характеристики, включающие комплекс аспектов — этническую принадлежность, высший социальный статус (царский, вождеский), место рождения, жительства и правления (Дашарха — Властитель дашархов, Кришна; Панчали — Драупади, царевна панчалов; ср. Гандхари, мать кауравов, родом из Гандхары, Мадри — мать младших Пандавов, из мадров). 2. Особые обстоятельства происхождения (Пхальгуна — Рожденный под созвездием Пхальгуни). 3. Описание внешнего облика — 3.1. общая характеристика (Кришна — Черная, Драупади), 3.2. специфическая особенность внешности (Десятиликий — Равана), 3.3. характерные частности — свойство волос (Гудакеша — Курчавый, Арджуна; Кешава — Густоволосый, Кришна), необычный вид глаз (Треокий — Шива). 4. Именование по атрибуту: 4.1. по индивидуальному оружию (Владелец ваджры — Индра, Держащий трезубец — Шива), 4.2. по персональному средству передвижения (Владыка рыжих коней — Индра, Владелец белых коней — Арджуна), 4.3. по отличительной символике (С быком на знамени — Шива; Тот, у кого обезьяна на знамени — Арджуна). 5. Прозвания, указывающие на функциональ-

ную специфику — 5.1. социальную (Царь дхармы — Юдхиштхира), 5.2. мифологическую (Пожиратель жертв — Агни, Царь вод — Варуна). 6. Имена-эпитеты, фиксирующие главные, в основном демоноборческие деяния персонажа (Губитель Балы и Вритры — Индра, Погубитель Мадху — Вишну, Кришна).

IV. К так называемым «функциональным» именам принадлежит *титулатура*, четкость соотнесения которой с ее носителем далеко не абсолютна, так что необходим уточняющий контекст (Владыка богов — обычно Индра, но может быть и Шива; Наставник миров — Брахма, но, возможно, и Шива; Высочайший Пуруша, Пурушоттاما, — любой из крупных богов эпоса, включая Кришну).

Естественно, далеко не все рубрики в полном составе присутствуют в наборе имен каждого значительного персонажа эпоса, будь то человек или же божество. Так, список теонимов, имен богов, в целом намного шире, чем группа имен, которые входят в состав именовании эпических героев. И чем крупнее та или иная мифологическая или немифологическая фигура, чем отчетливее ее значение для сюжетики «Махабхараты», тем шире представлены в системе ее имен разные грани образа¹⁶.

Популярность главных богов эпического пантеона, получившая отражение в их именовании, уходит своими корнями в *различные* слои древнеиндийской мифологии. Если обратиться к «биографии» **Индры**, о которой рассказывают его имена, то эта «биография» теснейшим образом связана с Ведами, где Индра занимает высокое положение бога-воителя. С другой стороны, благодаря своей главной функции — Царя богов, борющегося с демонами и повергающего их, Индра воплощает в себе наглядный образец царственного воителя, стоящего в центре эпического мировосприятия, так что достоинства, соответствующие такому его статусу, проецируются на противоборствующее воинство, и в первую очередь на одного из главных героев «царского» (в том смысле, что его действующие лица — цари) эпоса — Арджуну.

Широкая разветвленность имен-эпитетов **Шивы** имеет, по-видимому, другую природу, ее истоки связаны не только с ригведийским Рудрой, богом устрашающе грозным, но и с рядом локальных божеств, также требующих особых, *умилостивительных* форм поклонения. Иными словами, бесспорная «биографичность» имен Шивы — результат ассимиляции разнородных верований — служит потребности *непрямого* его называния как божества с мощными разрушительными потенциями¹⁷.

Система именованья **Вишну** строится по общей «тео-модели», включающей в качестве главных имена-эпитеты, данные божеству согласно его *атрибуту* и непременно *демоноборческому* деянию. Последние, фиксируя воинский подвиг божества, в составе гимновых обращений к нему могут считаться *эвокативными* (см., например, гимн мудреца-риши Уттанки, адресованный Вишну: Махабхарата. Книга III, Араньякапарва. С. 402).

С точки зрения эпической сюжетики набор имен Вишну интересен своим едва ли не полным соответствием именованию **Кришны**, в значительно более обширном наборе имен которого содержатся, однако, и прозвания «человеческого» плана, а именно патроним, матроним, другие именованья по родственнику, этнические обозначения, указания на вожделый статус, что отвечает вкупе с другими именами (в частности, по воинскому атрибуту и асуроборческому подвигу) его роли бога-героя «Махабхараты». Взятая в целом, система именования Кришны подчеркивает

¹⁶ Данный вывод напрямую соотносится с наблюдениями над стилистикой «Махабхараты», а именно — чем более важен объект для эпической культуры, тем шире, подробнее он раскрывается.

¹⁷ В ряду эпических гимновых обращений должен быть отмечен адресованный Шиве, ситуационно обусловленный гимн Ашваттхамана, «антигероя» эпоса, напавшего на спящий лагерь Пандавов в стремлении отомстить за гибель своего отца — воина Дроны, который был вероломно сражен Пандавами (Махабхарата. Книга десятая, Сауптикапарва. С. 21–24; анализ данного гимна см.: Невелева С.Л. О содержании «Сауптикапарвы» // Там же. С. 115–120).

его принадлежность одновременно и человеческому и «божескому» миру, и явлен он в эпосе, по крайней мере, в четырех ипостасях: во-первых, как вождь-предводитель племен (вришниеи, андхаков, мадху, дашархов и др.); во-вторых, как родственник и покровитель Пандавов, сближающийся иногда вплоть до отождествления с наиболее мифологичным из них — Арджуной; в-третьих, как полностью сложившаяся аватара Вишну, приобретшая самостоятельное значение в идеологии «Махабхараты», и, в-четвертых, как высочайшее начало Вселенной.

Состав имен эпических богов отличается от состава имен героических персонажей эпоса не только *количественно*, масштаб прозваний немифологических личностей, если не брать в расчет имена-эпитеты и в этом отношении близкого эпическим богам Арджуны, значительно уже, чем теонимов. Наборы последних имеют серьезные *качественные* отличия. Теонимика «Махабхараты», за исключением, пожалуй, имен бога-героя, т.е. и бога и героя одновременно — Кришны, не включает в себя патронимы, матронимы и иные обозначения по имени *предка*, что естественно для «нерожденных» (аја) богов; в составе прозваний богов отсутствуют и такие, которые указывали бы на этнические связи. И с другой стороны, в этих наборах имеются *индивидуальные* имена-эпитеты, характеризующие эпических богов по линии внешности, атрибутов, а также непременно демоноборческих деяний. Сказанное вовсе не означает, что главные герои эпоса — пятеро Пандавов совершенно лишены индивидуальности, которую им безусловно добавляет родство с соответствующими богами: Юдхиштхиры — с Дхармой, Бхимасены — с Ветром-Ваю, Арджуны — с Индрой и т.д., но их индивидуальность проявляется главным образом в *действии*, а не в описании, осуществляемом с помощью традиционных приемов.

Различия в составе имен героических и мифологических персонажей могут быть *частично* объяснены именно этими обстоятельствами. Могучие и отважные, неукротимые и победоносные, герои «Махабхараты», носители *типовых* черт воителя древнего эпоса, дополняемых также *типовыми*, но специфичными именно для эпоса *древнеиндийского* такими характеристиками, как мудрость, верность обету, стойкость в дхарме, твердость в стремлении к истине и т.п., раскрывают себя в последовательности эпического сюжета, который прослеживает их жизненный путь от рождения и до перехода в иной мир. Тогда как «биография» божества, свернутая до знака-имени, закодированная в системе его именования, формируется в значительной мере за пределами «Махабхараты». И если поэтика древнего эпоса зиждется на тенденциях типизирующего обобщения, главного фактора сложения эпических образов, то мифологические процессы древности подчинены совершенно иным, если не противоположным задачам.

Варьирование прозваний эпического героя играет, по-видимому, в первую очередь роль *стилистического* приема, позволяющего избежать повторения одного и того же имени на небольшом пространстве повествования; использование всего принадлежащего отдельному божеству реестра теонимов в узком контексте имеет аналогичную функцию. В то же время восприятие божественного имени требует дополнительной работы ума по раскрытию, разворачиванию заключенного в нем мифологического смысла и преобразованию его в визуальную картину-образ — прием, восходящий к гимновой поэтике¹⁸. Высочайшей степени варьированность имен божества на малом участке текста достигает в гимнах «Махабхараты»¹⁹, где ее функция значительно шире, чем просто стилистическая, разнообразящая художественный язык. Здесь варьирование теонимов создает «кинематографическую смену картин» (В.В. Иванов), в некотором смысле аналогичную той, которая присуща «Ригведе».

¹⁸ О поэтике гимна см.: Иванов В.В. Эстетическое наследие древней и средневековой Индии // Литература и культура древней и средневековой Индии. М., 1979; Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. Древнеиндийская поэтика и ее индоевропейские истоки // Там же.

¹⁹ О гимне «Махабхараты» см.: Невелева С.Л. «Моление о даре» (типология эпического гимна) // Стиха-пакашраддха. Сборник статей памяти Г.А. Зографа. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1995.

Summary

S.L. Neveleva

The system of characters' naming in the Mahābhārata

The following article deals with various kinds of names of the personages in the Mahābhārata, who can be divided into mythological and non-mythological. As a matter of fact this division is quite relative: thus, epic heroes brothers Pāṇḍavas are at the same time sons of the gods.

Name-epithet is similar to the *permanent epithet*, the fundamental means of the creation of the epic character. The latter is characterized by: 1) almost permanent combination of the same feature and the same addressee, 2) timeless nature of this feature, 3) the importance of its content, 4) possible absence of the connection with the concrete situation, 5) automatism of the association. All these parameters can be applied to the name-epithet, though with a very important difference: the *name-epithet* does not typify, but *individualizes* the object, its distinctive function is absolute.

Epic names represent the **system**, which can be described as a quadruple structure with the following sections:

I. *Personal* names.

II. Names after *relatives*: 1. After the *ancestor* — 1.1 after the close relative: 1.1.1. patronymics: a) after the terrestrial father, b) after the celestial ancestor; 1.1.2. matronymics; 1.2 names after the distant ancestor (including the founder of the clan). 2. Names not after the ancestor, but some other relative: 2.1 after the *descendant*, 2.2 after *husband*, 2.3 after *wife*, 2.4 after some other relative (brother, for example).

III. *Names-epithets*: 1. *Social* and *ethnic* characteristics (ethnicity, status of the king or the leader, birthplace, place of residence or reign). 2. Special circumstances of *birth* (the constellation is specified, for example). 3. Description of the *appearance* — 3.1 *general* characteristics, 3.2 some *peculiar* feature, 3.3 typical *details* (specific hair, eyes). 4. Name after the *attribute* — 4.1 after the personal *weapon*, 4.2 after the personal *vehicle*, 4.3 after the distinctive *symbols*. 5. Names, indicating the *functional specificity* — 5.1. social, 5.2. mythological. 6. Pointing at the *demon-combating deeds*.

IV. *Titles* are similar to the functional names, which often need the qualifying context.

In general, the list of the god-names is much more extensive than the number of the names of the epic heroes. All outstanding figures, important for the narrative of the epic, are represented by a more diverse system of names, emphasizing different aspects of the character.

The names of the epic gods, with exception of the names of the hero-god, i. e. Kṛṣṇa (who is a god and a hero at the same time) do not include patronymics, matronymics, other designations after the name of the ancestor or those pointing to ethnic origin or connection. It is quite natural for the “unborn” gods. On the other hand, the lists of names of the epic gods include individual names-epithets, characterizing their appearance, personal attributes and demon-combating deeds. “Biographies” of gods, reduced to the symbol (sign)-names and encoded in the name system, in contrast to the heroic images proper, are usually developed beyond the bounds of the Mahābhārata.